

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

В. А. Шнирельман

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ — 70-е ГОДЫ

Термин «этноархеология» восходит к началу нашего столетия, когда его впервые применил американский археолог Дж. Фьюкс, имея в виду свои исследования, ставившие целью проверку устной традиции индейцев-пуэбло методами археологии. Однако в те годы термин не привился и специалисты вспомнили о нем спустя 50 лет для того, чтобы обозначить совершенно иное научное направление, которому предназначалось улучшить методы реконструкции древних обществ по археологическим остаткам. В 60—70-е годы наблюдался поистине головокружительный взлет этноархеологии от робкого, порой интуитивного изложения отдельных научных принципов до превращения их в методическую систему, нашедшую многочисленных приверженцев. Всего лишь за какие-то полтора — два десятилетия этноархеологическому изучению подверглись десятки самых разнообразных обществ — от австралийских аборигенов до обитателей американского города Таксона. На протяжении 70-х годов некоторые из этих исследований были завершены. Тогда же в США прошло несколько конференций, призванных координировать действия этноархеологов. Все это вылилось в серию публикаций, позволяющих судить о методических установках этноархеологов, характере и направлении их исследований и отдельных итогах их деятельности. В настоящей работе рассматриваются лишь основные из этих изданий¹.

В чем же заключалась причина успеха этноархеологии? Прежде всего в стремлении отказаться от упрощенного понимания процедуры реконструкции древних обществ, долгое время господствовавшей в науке. Так как становление истории первобытного общества как научной дисциплины получило мощный импульс в эпоху эволюционизма, эволюционистский идейный багаж в той или иной форме постоянно воздействовал на умы отдельных специалистов. Тем самым наряду с безусловно полезной идеей поступательного развития в науке надолго за-

¹ 1) *Yellen J. E. Archaeological Approaches to the Present: Models for Reconstructing the Past*. N. Y., 1977. 259 p.; 2) *Binford L. R. Nunamit Ethnoarchaeology*. N. Y., 1978. 509 p.; 3) *Explorations in Ethnoarchaeology*/Gould R. A. Albuquerque, 1978. 330 p.; 4) *The Spatial Organization of Culture*/Hodder I. Pittsburg, 1978. 310 p.; 5) *Ethnoarchaeology: Implications of Ethnography for Archaeology*/Kramer C. N. Y., 1979. 292 p.; 6) *Hayden B. Palaeolithic Reflections. Lithic Technology and Ethnographic Excavations among Australian Aborigines*. Canberra, 1979. 181 p.; 7) *Gould R. A. Living Archaeology*. Cambridge, 1980. 270 p.; 8) *Steensberg A. New Guinea Gardens. A Study of Husbandry with Parallels in Prehistoric Europe*. London, 1980. 222 p.; 9) *Modern Material Culture. The Archaeology of Us*/Gould R. A., Schiffer M. B. N. Y., 1981. 347 p. Здесь не рассматривается монография П. Вотсон, которой была посвящена специальная рецензия. См. Шнирельман В. А. Рец. на *P. J. Watson. Archaeological Ethnography in Western Iran*. Tucson, 1979. — Сов. этнография, 1980, № 4. Не анализируется и содержание выходящего с 1982 г. «*Journal of Anthropological Archaeology*», специально посвященного близкой тематике. Далее ссылки на рассматриваемые здесь работы будут даваться по ходу изложения в скобках, где эти работы будут нумероваться цифрами в порядке их перечисления в данной сноске.

крепилась привычка иллюстрировать материальную сторону этой эволюции археологическими фактами, а социальную и духовную — фактами этнографии. И в этом не было бы ничего порочного, если бы, во-первых, этнографические материалы всегда давали однозначную картину, а во-вторых, этот метод не применялся бы для реконструкции отдельных древних обществ, известных по археологическим данным. До тех пор пока этнографических материалов было немного и они могли интерпретироваться достаточно свободно, у многих специалистов, в особенности археологов, сохранялась вера в идентичность социокультурных систем, характерных для того или иного уровня развития. А стремление к более детальным реконструкциям, вполне понятное для исследователей-энтузиастов, создавало определенную психологическую атмосферу, способствовавшую переносу концепции идентичности и на некоторые частные моменты культуры. В такой обстановке трудно было заметить слабости указанного выше метода (впоследствии критики наградили его полупрезрительным названием «метода иллюстративного сравнения»), недостаточно обдуманное использование которого породило массу псевдореконструкций.

Многочисленные этнографические и археологические исследования последних десятилетий показали, что картина развития была гораздо более сложной и многообразной, чем когда-то казалось. Во-первых, одни только этнографические факты свидетельствовали о весьма существенной вариативности, свойственной даже одному взятому наугад уровню развития. Если еще совсем недавно для реконструкций древних обществ охотников и собирателей достаточно было указать на некоторые факты из жизни, например, бушменов, то теперь требовалось выбирать из целого ряда бушменских обществ (кунг, ко, нарон и т. д.), да еще и обосновывать правомерность своего выбора. А ведь, как оказалось, даже у отдельных групп бушменов, живущих в общем в довольно сходных природных условиях, далеко не все черты культуры отличались идентичностью. Гораздо более сложная ситуация обнаружилась у австралийцев, представленных десятками самых разнообразных обществ, обитавших в различной природной обстановке и отличавшихся по хозяйству и деталям социальной организации.

Вместе с тем не одна только природная обстановка вызывала различия в культуре сходных по уровню развития обществ. Здесь мы подходим ко второму важному фактору, отразившемуся в этнографической действительности. Подавляющее большинство самых разнообразных из доживших до наших дней отсталых обществ на протяжении своей истории так или иначе контактировали с обществами иного уровня развития, и это порождало взаимовлияния, кое в чем видоизменявшие облик обеих сторон. Следовательно, в культуре каждого из таких обществ нашли отражение черты, не только связанные с уровнем его внутреннего развития, но и возникшие под влиянием внешних факторов.

В-третьих, как подчеркивают многие этноархеологи, далеко не все элементы древних культур и черты поведения наших отдаленных предков сохранились до нас в этнографической действительности. А это значит, что в археологических материалах могут фиксироваться такие модели поведения, которые невозможно реконструировать путем прямых аналогий с современностью.

Так как многообразие и вариативность являются неотъемлемой чертой культуры, то в этом смысле древность, очевидно, мало чем отличалась от современности. И это подтверждается всеми имеющимися сейчас археологическими фактами. Что же в таком случае должна представлять собой процедура реконструкции? Прежде всего следует отметить, что реконструкции бывают разными по степени обобщения. Здесь достаточно разделить их на общие и конкретные. Примером реконструкции высшей степени абстракции является история первобытного общества в масштабах всей планеты. Такая реконструкция обобщает все доступные археологические и этнографические факты, причем при реконструкции хозяйства и материальной культуры упор делается на пер-

вые, а при воссоздании картины древней социальной организации — на вторые. В отличие от «метода иллюстративного сравнения» научный метод общей реконструкции оперирует массовым материалом, имеет дело с представительными выборками и учитывает статистические закономерности. Однако для реконструкции конкретных древних обществ или аспектов их культуры такой метод применим лишь в сочетании с другими методами. Это происходит потому, что конкретная картина будет всегда в той или иной мере отклоняться от среднестатистической. Для примера можно провести следующий мысленный эксперимент. Представим себе, что культура бушменов-кунг сохранилась лишь археологически и нам предоставляется возможность реконструировать ее, исходя из данных о живой культуре бушменов-ко. Если при этом мы будем следовать методу иллюстративного сравнения и попытаемся привязать к археологическим остаткам кунг этнографическую модель ко, в целом ряде существенных моментов получится искаженная картина. В этом несложно убедиться, сравнив особенности годового хозяйственного цикла и социальной организации, известных этнографически у ко и кунг. Столь же ошибочно было бы безоговорочно реконструировать облик культуры австралийских аборигенов, живущих в Западной пустыне, взяв за образец культуру соседних аранда.

Если же, сопоставив несколько десятков самых разных обществ охотников и собирателей, мы выработаем некую общую модель, свободную от специфических деталей, и попытаемся приложить ее к конкретным, подлежащим реконструкции обществам, то мы сумеем получить более удовлетворительную картину. И все же она будет далека от совершенства, так как, улавливая принципиально сходные структуры, заключающие в себе сущность восстанавливаемых обществ, она не может отразить их специфику, т. е. то, как характерные для них общие закономерности проявлялись в конкретной ситуации, своеобразной для каждого из отдельно взятых обществ.

Этот-то недостаток бытующего до сих пор подхода к конкретным реконструкциям и пытается исправить этноархеология, ставящая своей целью восстановление не только типических, но и особенных черт древних обществ. В этом ее приверженцы проявляют известный оптимизм, отличающий их в лучшую сторону от целой когорты западных археологов, которые, осознав указанные выше недостатки прежних реконструкций, перешли к агностицизму, сузив задачи археологии до вещеведения.

Отправной точкой в работе этноархеологов служит этнографический материал. Однако их подход к нему отличается от традиционного, и прежде всего тем, как они понимают метод аналогий. Традиционное применение этого метода в прошлом по духу своему было близко методу иллюстративного сравнения — внешнее сходство трактовалось как тождественность сравниваемых явлений и их контекста. Между тем теперь мы знаем, что привлечение для объяснения чисто внешней аналогии способно ввести в заблуждение и дать неверную трактовку явления. В этом корень в целом критического отношения этноархеологов к аналогиям². Но при этом одни из них, например П. Уотсон (5, с. 277—287), хотя и не без оговорок, считают сутью этноархеологии использование современных аналогий для интерпретации прошлого, а другие, в частности Р. Гоулд (3, с. 249—293; 7, с. 29—47), сводят роль метода аналогий к минимуму, а то и вовсе призывают отказаться от него.

Как бы то ни было, все этноархеологи признают использование для реконструкций лишь тех аналогий, которые отражают не столько внешнее сходство отдельных фактов или явлений, сколько устойчивые связи между явлениями. Отсюда — встречающееся в этноархеологической ли-

² Несоввершенство метода этнографических аналогов отмечалось и в нашей литературе. См. *Периц А. И.* Этнография как источник первобытноисторических реконструкций. — В сб.: *Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества*. М.: Наука, 1979, с. 35—36.

тературе, например у Дж. Эберта, понимание аналогии не как результата, а как процесса (5, с. 60). Иными словами, речь здесь идет скорее не об установлении аналогий, а, как пишет Л. Бинфорд, о выявлении законов и закономерностей, которые и порождают возникновение аналогичных ситуаций и структур (2, с. 452). По словам одного из ведущих теоретиков-этноархеологов — М. Шиффера, главной задачей этноархеологии является формулирование законов человеческого поведения, и прежде всего в его связи с возникновением материальных остатков человеческой деятельности (3, с. 229—247). В этом и выражается своеобразие этноархеологического подхода к этнографическому материалу.

Этноархеология родилась тогда, когда вывод об ошибочности некритического переноса этнографических фактов на археологическую реальность был дополнен стремлением реконструировать аналогичные факты, исходя из самих археологических материалов, т. е. тех непосредственных свидетельств, которые дошли до нас от древних культур. Однако такие реконструкции требовали глубокого знания взаимосвязей между материальными остатками человеческой деятельности и всеми другими аспектами культуры. Единственным путем к выявлению этих связей было изучение их функционирования в живых обществах. Этим-то и занялись этноархеологи. Многие из них сетуют на то, что им приходится работать за этнографов, которые в последние годы все меньше внимания уделяют изучению материальной культуры и вообще не учитывают при этом запросы археологов. Как ревниво пишет один из археологов, сейчас возникла возможность того, что этнография будет паразитически развиваться за счет археологии³. Эти претензии нельзя считать до конца справедливыми, так как внимательное чтение этнографических работ позволяет извлечь ценнейшую информацию, имеющую прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Да и иные этноархеологические публикации в своей значительной части мало чем отличаются от классических этнографических произведений. Вместе с тем нельзя не признать, что этноархеологи изучают поставленный вопрос целенаправленно и систематично, в чем видится немалый залог их успеха.

Как известно, переход от постановки принципиальной задачи к разработке путей ее решения, а тем более к воплощению их на практике далеко не прост. Среди этноархеологов до сих пор нет полного единства взглядов по поводу того, какой именно этнографический материал и для каких реконструкций следует отбирать. Одно время считалось, что основные работы нужно проводить там, где отмечалась прямая преемственность между древними обществами, оставившими археологические памятники, и их современными потомками. В качестве примера подобного рода исследований можно привести известную статью Л. Бинфорда, посвященную анализу функций ямок-костищ в Иллинойсе, или, скажем, многолетние этноархеологические исследования на юго-западе США. Интересно, что даже в этой, казалось бы, наиболее благоприятной для реконструкций ситуации исследовательская процедура требовала весьма изощренных приемов и именно здесь традиционный метод прямых аналогий показал свою слабость⁴. Более широким подходом, раздвигающим возможности реконструкций, является изучение закономерностей жизнедеятельности обществ, обитающих в сходных природных и технологических условиях (5, с. 1).

Оба этих подхода представляются сейчас многим этноархеологам недостаточными (3, с. 185, 233). Дело в том, что даже при наличии преемственности между этнографической и археологической культурами

³ Trigger B. Time and Tradition. Essays in Archaeological Interpretation. N. Y., 1978, p. 14. Этот упрек относится в большей мере к этнографам Запада. О том, что в советской науке существует иное положение, свидетельствуют специальные издания и подготавливаемые (а частично уже вышедшие в свет) историко-этнографические атласы, в которых материальной культуре уделяется довольно много внимания.

⁴ См., например, Binford L. R. An Archaeological Perspective. N. Y., 1972, p. 33—

сходные явления в силу изменившихся условий могут быть аналогичными лишь по внешности, тогда как их место в культуре и их содержание будут иными. Кроме того, сейчас лишь в немногих районах мира отмечается прямая связь между ныне живущим отсталым населением и его предками, обитавшими здесь же. Что же касается требования сопоставлять лишь те мертвые и живые общества, которые, отличаясь одним уровнем развития, обитали в сходных природных условиях, то и здесь не всегда оказывается возможным получить желаемый результат в силу фактора культурной вариативности — стоит хотя бы сопоставить все тех же бушменов-кунг и бушменов-ко. Конечно, можно возразить, что условия обитания кунг и ко не во всем идентичны: ко живут в более бедной природной обстановке с несколько иным водным режимом. Однако если мы будем учитывать такие мелкие второстепенные различия, которые, кстати, далеко не всегда выявляются по археологическим данным, то природные условия любого района мира будут выглядеть уникальными, ни с чем не сравнимыми. Помимо отмеченных трудностей, немаловажным недостатком двух отмеченных подходов является то, что они не позволяют реконструировать общества, обладавшие такими хозяйственными системами и обитавшие в таких природных условиях, которые вообще не имеют аналогий в современности. Стоит вспомнить хотя бы европейских палеолитических охотников на мамонтов, охотников и собирателей андийской пуны, палеолитических охотников, рыболовов и собирателей Нубии и т. д.

Столкнувшись с этими проблемами, многие этноархеологи пытаются сейчас их избежать, выявляя некие универсалии человеческого поведения и анализируя причины его вариативности. Как указывает М. Шиффер, следует изучать законы человеческого поведения по добыче и хранению пищи, по производству и использованию орудий, по освоению жилого пространства и т. д. Причем некоторые общие принципы поведения, связанные с неоседлым образом жизни, можно встретить не только у отсталых охотников-собирателей, но и у туристов и сезонных рабочих (3, с. 241—245). В данном случае речь идет о блоке причинно-следственных связей, нейтральном по отношению к формационной принадлежности. Однако это вовсе не означает отсутствия у этноархеологов исторического подхода, хотя абсолютизация некоторых из отстаиваемых ими принципов действительно может привести к отходу от историзма. Тот же М. Шиффер специально оговаривается, что есть и специфические законы поведения, проявляющиеся только в отсталых обществах (3, с. 241). Многие этноархеологи обращают особое внимание на изменения традиционного поведения и причины этих изменений в современной ситуации. Тем больший интерес их работы представляют для этнографов, занимающихся этнокультурными процессами. Для самих же этноархеологов эта динамическая картина важна не сама по себе, а как источник для установления закономерностей человеческого поведения и его вариативности.

Впрочем, среди этноархеологов еще нет единого понимания того, какие именно законы человеческого поведения следует изучать и как их можно использовать для реконструкций. Если, по М. Шифферу, задачей этноархеологов является в первую очередь установление общих законов, а уже во вторую — частных закономерностей (3, с. 239—241), то Р. Гоулд, по-видимому, придерживается прямо противоположного. Согласно Р. Гоулду, следует различать законы и процессы: первые неизменны, вторые могут меняться. Он считает, что этноархеологам гораздо полезнее изучать процессы, их условия, причины и механизмы, так как именно это позволяет реконструировать специфический облик некоторых аспектов («адаптивных систем») древних культур (3, с. 251—253; 7, с. 32 и сл.). Можно понять стремление Р. Гоулда повысить точность реконструктивной процедуры и даже согласиться с его предложениями относительно ее конкретной методики, однако совершенно невозможно разделить его узкое понимание таких категорий, как «закон» и «аналогия». Противопоставление закона и процесса не имеет смысла,

так как это категории совершенно разного ранга: любой процесс подчиняется действию той или иной закономерности. С этой позиции следует оценивать и такую оговорку Р. Гоулда, что, мол, «отказ... от законов еще не означает отказа от поиска общих принципов человеческой деятельности» (7, с. 39). А что такое «общие принципы человеческой деятельности», как не те же законы? Р. Гоулд призывает «отказаться от стремления изучать лишь законы, которые поневоле ориентируют нас на изучение только регулярностей в первобытной деятельности» (7, с. 42), но при этом не замечает, что случайность является не чем иным, как формой проявления необходимости, а отклонения от нормы всегда так или иначе объяснимы именно с точки зрения закономерностей.

Несмотря на явную метафизичность его общих формулировок, в целом ясно желание Р. Гоулда выявить существенные связи между явлениями, которые позволяют восстановить не только древние структуры и процессы, аналогичные наблюдаемым ныне, но и такие, которые сейчас не встречаются. Правда, и здесь Р. Гоулд впадает в определенную крайность, заявляя, что обнаружение различий между современными и древними обществами важнее, чем установление их сходств (7, с. 35). Действительно, нам важно выяснить, что именно происходило в прошлом иначе, чем ныне, но, думается, не менее важно и установление черт общности. Да и почему, собственно, в древности исключительно все должно было выглядеть не так, как в современных условиях, особенно если речь идет о доживших до наших дней обществах с весьма архаичной социокультурной структурой?

Выступая против традиционного метода аналогий, Р. Гоулд выдвигает в противовес ему «метод суждения по контрасту», или «метод аномалий» (3, с. 253–254; 7, с. 138 и сл.). Исходя из теоретической посылки о том, что человеческое поведение адаптивно, Р. Гоулд ищет в культуре аборигенов Австралии такие факты, которые трудно объяснить с позиций здравого смысла, средствами формальной логики. Например, аборигены Западной пустыни изготавливали отдельные орудия из сырья, происходившего из отдаленных местностей, хотя в их собственных районах имелся камень иногда даже лучшего качества. Объясняется это наличием широкой социальной сети, включающей важные тотемические пункты, где и добывалось указанное «экзотическое» сырье. Установив эту черту современной культуры аборигенов, Р. Гоулд пытается с той же позиции трактовать находки изделий из «экзотического» сырья, встреченные им при раскопках стоянки Пунтутьярпа, и приходит к существенному выводу о том, что широкие социальные связи установились между аборигенами Западной пустыни еще 10 тыс. лет назад (3, с. 288; 7, с. 157). Разработанный Р. Гоулдом метод суждения по аномалии, безусловно, интересен и полезен. Однако трудно согласиться с этим автором в резком противопоставлении такого метода методу аналогий. На самом деле «аномалии» Р. Гоулда являются не чем иным, как частным видом аналогий. Ведь аналогичными могут быть не только нормы, но и отклонения от них. В данном случае речь идет об аналогичных аномалиях: установив аномалию в современном обществе аборигенов, Р. Гоулд находит аналогичную ситуацию здесь же в древности. Более того, описанная черта австралийской культуры представляется нам аномалией именно потому, что не вяжется с нашим пониманием адаптивности и, с нашей точки зрения, неутилитарна. В этом подходе Р. Гоулда можно видеть рецидив европоцентризма, так как, с точки зрения тех же аборигенов, эта черта аномалией отнюдь не является. По сути дела, она и подобные ей факты древних культур представляются Р. Гоулду (и не только ему) аномалиями только потому, что их нельзя объяснить прямо, исходя из экологии и непосредственных потребностей первобытного хозяйства, а следует учитывать и определенные социальные факторы.

Подойдя вплотную к характеристике человеческого поведения, этноархеологи столкнулись с фактом его крайней вариативности, и перед

ними снова встала проблема соотношения общего и особенного. Сопоставляя свои наблюдения с этнографическими концепциями культуры, они обнаружили резкие несоответствия между среднестатистическими параметрами, иначе говоря, нормами, в которых до сих пор принято было описывать культуру, и порой весьма значительными отклонениями от них, наблюдающимися в реальной действительности. Это послужило началом целой кампании, развернутой этноархеологами (Дж. Йеллен, Л. Бинфорд, Р. Гоулд, Я. Ходдер и др.) против этнографических концепций, на их взгляд, не удовлетворявших потребностям археологов (1, с. 48—51; 2, с. 3—4, 456—457; 3, с. 6—7; 7, с. 40—47, 250; 4, с. 16—18, 199 и др.). Действительно, характеризуя хозяйственную деятельность, разделение труда, брачные нормы и локальность брачного поселения, социальные взаимоотношения и т. д., этнограф неизбежно оперирует нормативными категориями и обычно лишь вскользь упоминает об отклонениях от нормы. Археолог же часто имеет дело с остатками индивидуальной деятельности, и, чем фрагментарнее его материалы, тем в большей степени этот фактор воздействует на них. Как показали этноархеологические исследования Дж. Йеллена, Л. Бинфорда и Р. Гоулда, чем мельче и кратковременней была стоянка у охотников и собирателей, тем сильнее ее материал отличался от среднестатистического (1, 2, 7). В этом случае по облику материальной культуры мелкие стоянки могли значительно отличаться одна от другой, но, как указывает Л. Бинфорд, эта вариативность была связана не с системными (культурными) различиями, а с разными состояниями одной и той же системы (2, с. 3—4).

А вот другой пример. В идеале при условии матрилокальности и матрилинейности обучение девушек ведется матерями или по крайней мере женщинами из того же рода или родового подразделения. Коль скоро эта норма жестко соблюдается на практике, материальные остатки деятельности по производству керамики дают важную археологическую информацию о расселении отдельных родов и их подразделений. На самом деле, как показал М. Станиславски, работавший у индейцев-пуэбло, обучение ведется местами не только по родственному, но и по брачным каналам, а иногда оно охватывает людей, вовсе не состоящих в родстве. В итоге единый керамический стиль может быть свойственным не только разным родам, но даже и разным этнолингвистическим группам. В частности, обитающие по соседству хопи и хопи-теуа, отличающиеся по ряду важных аспектов культуры и считающие себя разными этносами, оказываются совершенно сходными по облику их глиняных сосудов (3, с. 201—227; 4, с. 61—76). А ведь керамика часто является самой массовой, а иногда и единственной категорией археологических находок!

Кроме того, определенные экологические, демографические и социальные факторы могут в конкретных условиях существенно влиять на воплощение определенных культурных норм в реальности. При невозможности строго следовать этим нормам на практике люди, однако, могут строить на них свою идеологию. И их опрос в этом случае знакомит нас не столько с реальными фактами поведения, сколько с идеальной моделью, соответствующей, по их мнению, местным культурным ценностям. Этот (отмеченный М. Станиславски) факт, заставляющий воздерживаться от отождествления идеальных норм с их фактической реализацией, предупреждает против встречающегося еще безусловного предпочтения метода сбора устной информации и анкетирования методу непосредственного наблюдения (3, с. 203—207). Что же касается этноархеологов, то для них наблюдение является главным средством получения информации.

Столкнувшись с проблемой несоответствия идеальных норм и общественной практики, этноархеология постепенно раздвинула рамки своей проблематики. Если ее рождение было связано со стремлением усовершенствовать процедуру первобытноисторических реконструкций, то позже некоторые из этноархеологов поставили перед собой задачу коррек-

тировки картины, полученной методом опроса. Этому, например, была посвящена работа этноархеологического отряда во главе с У. Ретджи в американском городе Таксоне, где изучение помоек показало, что информаторы так или иначе искажали объективную картину потребления пива и некоторых других товаров. А это в свою очередь помогло выявить причины таких искажений (3, с. 49—75). В настоящее время подобного рода исследования, начатые в Гавайском и Аризонском университетах, охватили многие сферы быта и материальной культуры капиталистического мира. Они показали, что глубокое и детальное изучение материальной культуры может приоткрыть завесу над такими аспектами общественной жизни, которые ускользали от этнографов, работавших традиционными методами (9).

Изучая реальную человеческую деятельность и ее корреляцию с материальной культурой, этноархеологи стремятся уловить прежде всего объективную картину и наметить в первую очередь те более или менее жесткие связи, на которые можно было бы полагаться при реконструкциях. Поэтому не случайно в центре внимания современных этноархеологов находятся сферы культуры, теснее всего связанные с базисом. Это — хозяйство, система расселения, демография. Особенности хозяйства охотников и собирателей в целом и связанная с сезонным хозяйственным циклом система их расселения подробно исследуется в монографиях Дж. Йеллена (1), Л. Бинфорда (2) и Р. Гоулда (7), а отдельным аспектам этих широких проблем посвящены некоторые статьи и монографии других авторов.

Так как керамика является массовым материалом во многих археологических коллекциях, многие этноархеологи занимаются изучением процессов производства и характера использования глиняных сосудов, а также условий их превращения в отбросы. На примере самых разных этносов (индейцев Центральной Америки и Амазонии, ирокезов, индейцев-пуэбло и африканцев Западной Африки) это анализируется в работах Д. Арнольда (4, с. 39—59), М. Хардин (5, с. 75—101), У. Энджелбредта (4, с. 141—152), М. и Б. Станиславски (3, с. 201—227; 4, с. 61—76), У. Дебоуера и Д. Лэтрапа (5, с. 102—138), Л. Кроссленда и М. Познански (4, с. 77—89).

Многие выводы этих авторов заставляют либо пересмотреть, либо существенно уточнить концепции, до сих пор бытующие в археологической литературе. Выше уже отмечалась неправомерность безоговорочного соотнесения отдельных типов керамики с какими-либо конкретными этнолингвистическими или этнографическими группами. К этому заключению помимо М. и Б. Станиславски, пришли и многие другие авторы, отметившие широкое распространение специфических типов сосудов в результате как обмена, так и заимствования технических приемов. Вместе с тем у некоторых групп ирокезов (например, у эри) керамическое производство отличалось действительно высокой степенью индивидуальности, а в ряде мест Центральной Америки и Амазонии обмена сосудами не отмечалось и между соседними общинами и керамические комплексы даже в пределах диалектной группы отличались своеобразием.

Другим важным итогом работ этноархеологов является вывод о том, что изменения стиля орнаментации сосудов прямо не связаны с какими-либо более общими культурными изменениями и могут происходить по субъективным причинам. Вообще, как неожиданно выяснилось, ангобирование и орнаментирование керамики имеют гораздо меньшее этнокультурное значение, чем принято считать, и мало учитываются в народных системах классификации керамики. Местные классификации строятся прежде всего по таким параметрам, как естественный цвет, форма и размер посуды, и именно эти показатели являются внешними индикаторами функции отдельных изделий. Это наблюдение, несомненно, поможет археологам в выработке более надежных систем классификации. Интересно, что у некоторых народов определенные сосуды используются только определенными половозрастными группами насе-

ления. Так, в Западной Африке удалось выявить мужские и женские сосуды, а у индейцев западной Амазонии замысловато украшенные кружки употреблялись на праздниках только детьми и стариками. Изучая процесс производства керамики, этноархеологи заметили, что он далеко не всегда ведется индивидуально: у некоторых народов в нем участвует целая группа женщин, каждая из которых производит особую операцию, в ряде случаев речь идет о разделении труда между супругами, а иногда роспись уже готовых сосудов доверяется только специалистам-художникам. Все это ставит проблему соотношения коллективного и индивидуального творчества даже тогда, когда на готовом изделии, казалось бы, стоит метка его создателя.

Другой важной археологической категорией являются каменные орудия. Характер их производства и использования, проблема получения сырья и обмена готовыми изделиями, а также некоторые другие стороны орудийной деятельности, следы которой могут пролить свет на специфический облик древних культур, рассматриваются в монографиях Р. Гоулда (7), Б. Хейдена (6) и А. Стинсберга (8), а также в статьях Дж. Уайта и Н. Модьески (4, с. 25—38), Р. Трингэм (3, с. 169—199), Р. Карнейро (5, с. 21—58) и Дж. Эберта (5, с. 59—74). Эти исследования показывают, что большинство каменных орудий служило для производства орудий из дерева. При этом, например, для аборигенов Австралии и папуасов функция орудия определялась прежде всего углом режущего края, что далеко не всегда коррелировалось с размером, формой, сырьем и даже характером ретуши, т. е. с параметрами, которые учитываются археологами для построения классификации в первую очередь. Кроме того, применявшиеся для работы орудия далеко не всегда ретушировались. Чрезвычайный интерес представляют данные Р. Гоулда о различиях орудий одноразового пользования и многофункциональных орудий, служивших человеку многократно. Первые изготовлялись аборигенами на месте работы из подсобного материала и тут же по окончании работы выбрасывались, а вторые производились из доставленного издалека сырья и высоко ценились. По подсчетам Р. Гоулда, 99,95% каменных орудий аборигенов Западной пустыни относились к первой категории. Однако, так как они использовались вне базовой стоянки, основная часть найденных на ней орудий относилась к многофункциональным, составлявшим лишь 0,05% всех орудий аборигенов (7, с. 132). Р. Гоулд произвел расчеты потребности каждого мужчины в различных орудиях в течение года, однако следует помнить, что выведенные им показатели имеют среднестатистический характер, так как, по данным Дж. Уайта и Н. Модьески о папуасах, разные мужчины в зависимости от своего искусства могли использовать и разное количество орудий (от нескольких штук до нескольких сотен!).

Важными представляются и наблюдения Б. Хейдена, отметившего некоторые различия в использовании каменных орудий мужчинами и женщинами у австралийцев (6, с. 12—14).

Изучение хозяйственных систем, помимо Дж. Йеллена, Л. Бинфорда и Р. Гоулда, проводилось П. Керчем на полинезийских материалах (3, с. 103—125), а на материалах полукочевников-луров — Ф. Хоулом (3, с. 127—167; 5, с. 192—218). Е. Мессер рассмотрела более частную проблему — собирательство диких растений у земледельцев-сапотеков в Мексике (5, с. 247—264), а М. Джохим, исходя из экологических и этнографических данных о рыбаках умеренного пояса, попытался нарисовать теоретическую модель, пригодную, по его мнению, для реконструкции хозяйства и социальной организации мезолитического населения Центральной Европы (5, с. 219—246). Из указанных исследований наибольший интерес представляет, пожалуй, работа Л. Бинфорда, который, взяв за основу только один элемент хозяйственной системы — остатки костей добытых охотниками животных, продемонстрировал, как по нему можно реконструировать всю систему в целом. Монография Л. Бинфорда показывает, что в потенции археологические источники, в данном случае остеологические остатки, способны снабдить исследова-

теля гораздо более подробной информацией, чем та, которую мы до сих пор умели от них получать.

Монография А. Стинсберга (8) не ставит своей целью осветить хозяйственные системы папуасов Новой Гвинеи в целом, но в ней под археологическим углом зрения рассматриваются некоторые интересные моменты и детали производственных процессов (изготовление и облик топоров и тесел, рубка деревьев, земледельческая техника, строительство домов и заборов, приготовление пищи и т. д.). Путем сопоставления с новогвинейской техникой автор пытается дать новую интерпретацию некоторым аспектам неолитической культуры Северной Европы.

В статьях К. Кремер (5, с. 139—163), У. Самнера (5, с. 164—174) и Л. Джекобс (5, с. 175—191) анализируется процедура демографических реконструкций. На материалах современных иранских поселений эти авторы показывают неоднозначность выводов, которые можно получить по остаткам поселков и отдельных жилищ. Собранные ими факты со всей очевидностью предупреждают против поспешных реконструкций частной демографической картины, исходя из общих среднестатистических показателей. Так, если средние размеры домохозяйств в поселках Шахабад и Телли-Нун составляли, по К. Кремер и Л. Джекобс, соответственно 6,2 и 8,75 человек, то вообще в Иране эта цифра, по У. Самнеру, колебалась в пределах 4,2—5,9 человек. Большой интерес представляет также вывод К. Кремер о том, что в земледельческо-скотоводческом поселке о количестве населения следует судить прежде всего по площади жилых помещений, а о богатстве отдельных больших семей — по общей площади их домохозяйств. Важен и тот подчеркнутый этой исследовательницей факт, что, хотя отдельные нуклеарные семьи имеют свои собственные комнаты и очаги, приготовление пищи и трапезы являлись коллективным делом всех членов большой семьи (домохозяйства).

Той же тематике посвящена работа Дж. Эйгми (9, с. 225—233), который пришел к выводу, что на протяжении только одного поколения демографическая структура общины в некоторых случаях может существенно измениться.

Не меньшую сложность представляют демографические расчеты по остаткам стоянок охотников-собирателей. Дж. Йеллен показал, что следует рассматривать порознь два параметра — размер всей стоянки и размер территории, занятой жилищами. По первому можно судить о долговременности стоянки, а по второму — о размере общины. У бушменов-кунг каждая хижина принадлежала, как правило, одной семье и редко отдельным индивидам (холостякам, вдовцам и пр.). Однако размер хижины при этом менялся мало, и для двух взрослых людей требовалось столько же места, сколько для одного взрослого или для двух взрослых и четырех детей (1, с. 115—126). Несколько иная картина, по данным Р. Гоулда, встречалась у аборигенов Западной пустыни. Там семейные хижины отличались более крупными размерами, чем жилища одиночек. И еще один примечательный факт: в семейном жилище могло встречаться несколько очагов (7, с. 10). Он свидетельствует против бытующей в археологической литературе тенденции жестко связывать число очагов с числом парных семей.

Уже не раз отмечалось, что в процессе превращения живой культуры в мертвую материальный облик культуры претерпевает необратимые структурные изменения и было бы по меньшей мере неосторожно некритически использовать материальные остатки для прямых реконструкций. Однако до недавнего времени мало кто пытался на практике проследить особенности процесса умирания живой культуры. Теперь эту задачу взяли на себя этноархеологи и добились на этом поприще довольно заметных результатов. Выше уже отмечался «парадокс Гоулда»: преобладание на базовых стоянках аборигенов именно тех орудий, которые составляли незначительный процент всего орудийного набора. Как показано в ряде других работ, люди бережно относились к особо ценным орудиям многократного употребления. Поэтому находки такого рода — а это касается прежде всего металлических орудий — во многих случаях

представляют огромную редкость, хотя использование таких орудий было регулярным. Следовательно, процентное соотношение разных категорий вещей среди археологических находок не является прямым отражением их утилитарной роли в культуре. Например, у папуасов всегда имелся большой запас топоров, чем требовалось в каждый данный момент для работы. У индейцев Южной Америки и у индейцев-пуэбло был отмечен тот факт, что разные типы глиняных сосудов приходили в негодность с разной регулярностью: чаще разбивались сосуды для еды и питья и кухонные, реже — сосуды-хранилища. Таким образом, наибольшее количество черепков происходило именно от первых категорий. На о-ве Сан-Кристобаль поломанные рыболовные крючки по традиции выкидывались в море, следовательно, их отсутствие в археологических коллекциях не означает отсутствия здесь рыболовства. Эскимосы-нунамиты предпочитают охотиться главным образом на самцов северного оленя, но деликатесом считают головы самок и оленят. Поэтому тот, кто попытается судить об их добыче по остаткам черепов животных на стоянках, получит крайне искаженную картину. Таков лишь небольшой перечень отмеченных этноархеологами фактов, свидетельствующих о влиянии культурных факторов на процесс превращения отдельных категорий вещей в археологические источники.

Однако эти факторы были далеко не единственными. Другая группа не менее важных факторов была связана с разрушительным влиянием природной среды. Как подчеркивает Дж. Йеллен, остатки мелких временных охотничьих стоянок бушменов очень быстро исчезают, и, видимо, не случайно археология позднего каменного века Южной Африки знает только крупные стоянки у источников воды (1, с. 80). Напротив, у эскимосов-нунамитов временные охотничьи стоянки, которые многократно посещались, оказывались лучше обеспеченными археологическими материалами, чем базовые стоянки, редко обживавшиеся вторично (2, с. 490—491). В специальном исследовании, проведенном Д. Джиффорд в Кении, хорошо показано, как по-разному сохраняются остатки скотоводческих лагерей и охотничье-рыболовческих стоянок, расположенных в разных природных условиях. Вторые находятся в тех местах, где интенсивные природно-климатические и геологические процессы ведут к быстрому накоплению осадков и погружению вещей в почву. Поэтому они имеют шансы в гораздо менее поврежденном виде дожить до будущих археологов, чем места обитания скотоводов, где материальные остатки сильно разрушаются, долго находясь на поверхности. В результате археологическая информация о 15% местного населения будет гораздо более полной, чем об остальных 85% (3, с. 77—101). Столь же губительно некоторые природные и культурные процессы отражаются на земледельческих поселках папуасов Новой Гвинеи: через несколько лет после ухода оттуда людей на месте таких поселков почти ничего не остается. Все это, кстати, должно охладить пыл некоторых этноархеологов, искренне верящих, что по остаткам материальной культуры когда-нибудь станет возможным восстанавливать облик древних обществ во всем объеме. Так, например, детально разработанная Л. Бинфордом методика реконструкции хозяйственного цикла по костным остаткам остается пока что неприменимой для многих археологических исследований ввиду плохой сохранности остеологических материалов.

Считая своей конечной целью установление четких правил для интерпретации археологических материалов, этноархеологи попутно делают наблюдения, весьма полезные и для этнографов. Это касается, например, проблемы отражения этнического фактора в материальной культуре. В археологической литературе издавна бытует убеждение в более или менее жесткой связи между группой гомогенных археологических комплексов («археологическая культура») и этносом. И хотя в теоретических исследованиях последних лет высказывается критическое отношение к этому постулату, только этноархеологам удалось изучить степень его достоверности на практике. Такая задача стояла, в частности, перед авторами вышедшего в Англии сборника «Пространственная ор-

ганизация культуры» (4). Многие из них, и прежде всего составитель этого сборника Я. Ходдер, пришли к выводу о том, что на распространение различных элементов материальной культуры влияет не только и даже не столько этнический фактор, сколько разного рода производственные, социальные, религиозные и другие мотивы. Поэтому разные категории вещей могут распространяться очень по-разному и по их ареалам трудно бывает составить правильное впечатление о границах этносов. Тем больший интерес представляет изучение этих ареалов, говорящих о самых разных сторонах жизнедеятельности общества и их взаимосвязях, а не только и не столько об этнических границах. Я. Ходдер предполагает, что древние этнические группировки в некоторых случаях удастся вычленить по находкам так называемых «нефункциональных» элементов культуры (4, с. 253).

В принципе с этим можно согласиться, однако, судя по данным исследований других этноархеологов, этнический фактор проявляется часто именно в действиях или в таких их результатах, которые не находят отражения в археологических остатках. Например, сравнив данные о некоторых группах австралийцев, бушменов, эскимосов и навахов, Л. Бинфорд установил, что каждый из изученных народов производил разделку туши убитого животного по-своему (2, с. 87—89). В отдельных обществах папуасов Новой Гвинеи и индейцев Южной Америки этнические различия проявлялись, в частности, в насадке каменных топоров на рукояти, хотя форма самих топоров отличалась единством (4, с. 30; 5, с. 24). Впрочем, детальный анализ папуасских материалов показал, что по этому признаку (креплению топоров к рукоятям) можно выделить довольно крупные культурные районы, каждый из которых включает по несколько этносов. И напротив, как показал А. Стинсберг, у одного этноса может встречаться сразу два разных способа крепления топоров (8, с. 15—23). В разных районах Австралии, по данным Р. Гоулда, специфические наконечники-кимберли распространялись из единого центра к самым разным группам аборигенов, но использование их в разных районах различалось: в одних местах они предназначались для охоты, в других — для черной магии, а кое-где — для инициации юношей (7, с. 141—143). Иногда, утратив свой практический смысл, традиция надолго закреплялась и приобретала этническое значение. Л. Бинфорд наблюдал это у эскимосов-нунамитов в их обычаях, связанных с поеданием грудинки (2, с. 220), а Р. Гоулд — у аборигенов Западной пустыни, которые, сознавая полезность бурдюков для воды у их соседей, не стремились завести у себя такие же (7, с. 247—249). Д. Джиффорд зафиксировала интересные особенности этнического поведения в Восточной Африке: если некоторые скотоводы Кении проявляли очень бережное отношение к предметам материальной культуры и на их заброшенных стоянках оставались в основном лишь пищевые отбросы, то у масаев количество выброшенных или забытых вещей достигало того же объема, что и весь остальной мусор (3, с. 90).

Напротив, как продемонстрировал М. Станиславски на примере индейцев-хопи и хопи-теуа, орнамент на керамике далеко не всегда служит надежным этническим признаком. В еще меньшей степени можно полагаться в этом отношении на общий облик хозяйства. Последнее хорошо показал П. Керч, по данным которого даже на расположенных в относительной близости островах полинезийцы выработали различные хозяйственные системы, на что определенное влияние оказали природные, демографические и социально-политические факторы.

Не меньший интерес для этнографов должны представлять наблюдения этноархеологов над процессами культурных изменений в современную эпоху и их влиянием на этническое поведение. Эта область исследования является для этноархеологов важной не только потому, что она предостерегает против некритического переноса в прошлое некоторых особенностей современной ситуации, но главным образом потому, что она позволяет уловить закономерности в изменении поведения и его материального отражения в условиях меняющейся среды. Тем самым

удаётся особенно отчетливо выявлять факторы, влияющие на выбор той или иной модели поведения. И, по справедливому замечанию Л. Бинфорда (2, с. 452), какой бы уникальной ни казалась ситуация, в ней всегда обнаруживается действие каких-либо общих принципов. Сам Л. Бинфорд довольно удачно показал, как распространение собачьих упряжек, аэросаней, ружей, введение новых способов хранения мяса, возрастание оседлости, развитие пушного промысла, появление новых источников питания и т. д. повлияли на систему хозяйства эскимосов-нунамит, на их отношение к некоторым видам животных, а также на характер фаунистических комплексов на заброшенных стоянках. И тем не менее многое в культуре эскимосов осталось прежним (хозяйственная роль северных оленей и охоты на них, значение запасов мясной пищи, знания об окружающей природной среде, некоторые особенности сезонного хозяйственного цикла и системы расселения и т. д.). Более того, как предполагает Р. Гоулд, в условиях контакта с современной цивилизацией у охотников и собирателей определенные этнические традиции могут консервироваться и гипертрофироваться. Например, у многих австралийских аборигенов в этой обстановке возросла роль церемониального обмена и вообще церемониализма (7, с. 155).

Давая общую оценку этноархеологии как одной из методик современной археологии, нельзя не признать известную значимость этого явления. В особенности следует учитывать открываемые ею возможности в выявлении системных взаимосвязей между отдельными подразделениями культуры, ибо решение этого вопроса, поставленного функционалистами, давно назрело. Существенным представляется тот факт, что сами потребности исследования обуславливают материалистический подход, и это с каждым годом осознается этноархеологами все более отчетливо. Поэтому не случаен усиливающийся у них интерес к марксизму, как показала проходившая в 1976 г. в Англии специальная конференция, посвященная кооперации археологов и этнографов в решении общих культурологических задач⁵.

Вместе с тем в сфере частных задач этноархеологам предстоит сделать еще очень многое. Далеко не все из них учитывают природный фактор, воздействующий на материальные остатки культуры и способствующий их дальнейшему разрушению. В ряде случаев некоторые специалисты довольствуются беглым поверхностным осмотром заброшенных стоянок и поселений, хотя на самом деле здесь необходимы настоящие раскопки. Отдельные исследователи занимаются этноархеологией как бы между делом и поэтому ограничиваются весьма узкой тематикой. Особенно ярко это проявилось в книге А. Стинсберга (8) и сборнике «Современная материальная культура» (9). Последний интересен тем, что его авторы ставили своей целью выявить некоторые принципы соответствия человеческого поведения и его осязаемых результатов путем изучения жизнедеятельности представителей современных по большей части высокоразвитых обществ. Велось, например, наблюдение за расстановкой товаров в крупном универсаме, исследовалось содержимое лавочки китайского лекаря в Гонолулу, проводились эксперименты с поломкой разнообразных вещей из современных материалов и т. д. По замыслу авторов, полученные результаты должны помочь археологам в интерпретации их находок. Проведенная работа представляется, безусловно, полезной, но полученные выводы были сформулированы для каждого случая отдельно и пока что не подкреплены какими-либо более широкими и представительными обобщениями.

Подобного рода узкие исследования, естественно, не дают возможности ставить вопрос о многочисленных весьма сложных связях, объединяющих различные подсистемы культурной системы. Еще более важно то, что законы, управляющие культурной системой и отдельными ее подразделениями, не сводятся только к тем законам поведения, которые влекут появление материальных остатков. Законы, способствующие

⁵ Archaeology and Anthropology: Areas of Mutual Interest./Spriggs M. Oxford, 1977.

накоплению мертвой материальной культуры, необходимо знать лишь постольку, поскольку материальная культура входит в ту или иную культурную подсистему. Но для реконструкции последней необходим более широкий культурологический подход, учитывающий, в частности, этнографические концепции, от которых многие современные этноархеологи слишком поспешно пытаются отказаться⁶. И здесь мы сталкиваемся с главным, на наш взгляд, недостатком этноархеологии как одного из направлений современной западной археологии. Этот недостаток, а точнее методологический порок состоит в том, что, находясь в своем большинстве на неопозитивистских позициях абсолютизации источниковедческой процедуры, этноархеологи не в состоянии найти необходимый «баланс» между организующей ролью теории и корректирующей ролью методики. Поэтому несравненно более перспективными представляются основанные на марксистской методологии исследования археологов СССР, которые ищут пути совершенствования процедуры исторических реконструкций, стремясь глубже понять органичные связи между культурными остатками и функционирующими культурными системами.

⁶ Об этом см. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983, с. 67—68.

С. А. Маретина

ВАЖНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ *

Увеличивающийся с каждым годом поток этнографической литературы ставит перед учеными ряд важнейших задач: налаживание надежного учета, выработка общеприемлемой систематизации публикаций, организация регулярного обмена информацией. При обилии выходящих ежегодно из печати работ, при постоянно растущих темпах развития науки практически очень трудно, а по ряду дисциплин и невозможно следить за публикациями по интересующей ученого проблеме даже в своей стране (особенно выпущенными не центральными издательствами или появившимися в непрофильных изданиях), не говоря уже о зарубежных.

За последние годы появился ряд библиографических изданий — региональных, таких, как «Американистская библиография»¹, «Антропологическая библиография Южной Азии»² и мн. др., ведомственных, к числу которых относится такое полезное издание, как «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР 1900—1962»³. Появились и библиографии более широкого профиля, например «Демос», который с 1960 г. стал выходить как «Международная этнографическая и фольклористическая информация»⁴. Это реферативное периодическое издание социалистических стран Европы (в том числе СССР), в котором печатаются рефераты работ по этнографии и фольклору, а также хроники научной жизни стран-издателей.

Продолжается издание представительного библиографического справочника «Международная фольклористическая библиография»⁵, нача-

* International Bibliography of Social and Cultural Anthropology/Prepared by the International Committee for Social Science Information and Documentation. V. 1—24. L.—N. Y.: 1958—1981.

¹ Bibliographie américaniste. P., Musée de l'homme, 1967.

² Fürer-Haimendorf E. von. An Anthropological Bibliography of South Asia. Paris—La Haye, 1958.

³ Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1900—1962. Л.: Наука, 1967.

⁴ Demos. Internationale ethnographische und folkloristische Informationen. B., 1960—1981.

⁵ Internationale volkskundliche Bibliographie. Strassburg, 1919—1981.